

ВЕРА КАРАСЕВА

НОЧНОЙ ХЛЕБ

ХЛЕБ

художник А. Возиянов

Это было во время войны, в осажденном фашистами Ленинграде.

Троллейбусы и трамваи не ходили той блокадной зимой. Добраться домой пешком было тяжело, и Танин папа часто ночевал на заводе.

Но в этот вечер папа пришел домой. Он сказал:
—В городе два дня не выдают хлеба. Я беспокоился, как вы тут.
—Так же, как и все,—ответила мама.

А Таня молчала. Плохого ей говорить папе не хотелось, а что она могла сказать хорошего, если целых два дня у мамы и у нее не было ни крошки во рту. Да и говорить ей было трудно. От слабости все время хотелось спать.

—Хлеб будет ночью,—сказал папа.—Его уже пекут и завозят в булочные. Я вам его получу.

Папа взял карточки и ушел. Потянулся темный и длинный вечер.

Мама затопила печурку, поставила греться чайник.

—Мороз большой, самолеты сегодня летать не будут, поспи до папиного прихода.—Она потеплей укутала Таню.

Но заснуть Таня в этот вечер не смогла. Сперва ей очень хотелось есть и все время мерещилась большая горбушка черного хлеба, чуть подгоревшая и густо посыпанная крупной солью.

Потом она стала думать о папе. Кончился вечер, наступила ночь, а его все нет и нет. Где же он и почему не возвращается?

Таня знала, что папа работает на оборонном заводе, который фашисты бомбят и обстреливают чуть ли не каждый день. Но там папа не один. Там вместе с ним его друзья, его товарищи.

А сейчас... Темно в комнате, но еще темнее за окном, там настоящая чернота. И в этой черноте папа бродит один и ищет булочную, где уже есть хлеб, чтобы получить его и накормить маму и Таню.

ГРАЖДАНЕ!
ПРИ АРТОБСТРЕЛЕ
ЭТА СТОРОНА УЛИЦЫ
НАИБОЛЕЕ ОПАСНА

Он может попасть под обстрел...

На него могут напасть диверсанты...

И ведь он очень устал, потому что весь день работал в холодном цеху и на обед ел пустой суп...

**Зачем они с мамой его отпустили? Зачем дали ему уйти?
И Таня заплакала. Она плакала горько, но очень тихо, глубоко зарывшись в подушку.**

Ведь рядом была мама, она тоже прислушивалась к каждому шороху, тоже волновалась о папе, и не хотелось еще больше огорчать ее.

В магазине холодно и очень темно, только на прилавке у продавщицы мигала коптилка. Продавщица отпускала хлеб.

У прилавка с одной стороны тянулась очередь. Люди подходили, протягивали карточки и получали кусочек хлеба, маленький, но тяжелый и влажный, потому что муки в нем было совсем мало, а больше воды и хлопкового жмыха.

А с другой стороны столпились дети. Даже при свете коптилки было видно, какие у них худые, изможденные лица. Шубки висели на них, как на палочках. Головы их поверх шапок были закутаны теплыми платками и шарфами. Ноги—в бурках и валенках, и только на руках не было варежек: руки были заняты делом.

Как только у продавщицы, разрезавшей буханку, падала на прилавок хлебная крошка, чей-нибудь тоненький озябший палец торопливо, но деликатно скользил по прилавку, поддевал крошку и бережно нес ее в рот.

Два пальца на прилавке не встречались: ребята соблюдали очередь.

Продавщица не бранилась, не прикрикивала на детей, не говорила: „Не мешайте работать! Уйдите!“ Она молча делала свое дело: отпускала людям их блокадный паек.

Люди брали хлеб и отходили.

...Папа вошел без стука, у него был свой ключ. Он вошел очень тихо и положил на стол хлеб.

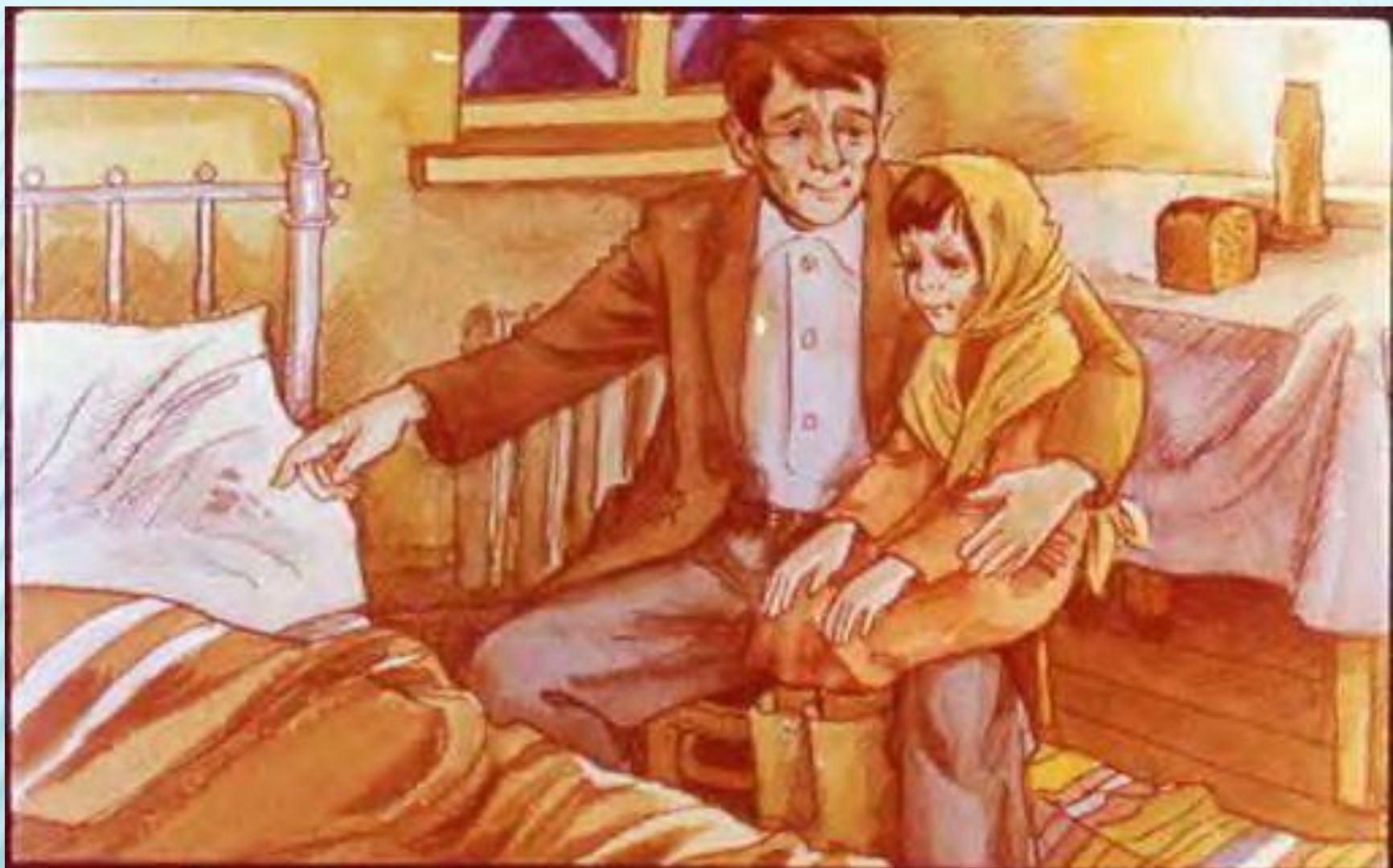
—Третий час ночи,—сказала мама и зажгла коптилку.
—А на улице народу, как днем, и сказали, что хлеб будут
выдавать всю ночь.

—Разбудим Таню?—спросил папа.
—Право, не знаю, что дороже, сон или хлеб,—ответила мама.
Но Таня уже сидела на постели.

—Папа!—сказала она.—Папа всего нам дороже!—и потянулась к отцу.

—А почему у тебя подушка мокрая?—удивился он.

—Это ничего, я переверну ее на другой бок, и она будет сухая. А вы дайте мне кусочек ночного хлеба, если можно—горбушку,—попросила Таня.